

III. Культурология

Станислав Панин

Научное изучение эзотеризма в России: история и современность

Академическое исследование эзотеризма является динамично развивающимся направлением междисциплинарных исследований на стыке ряда гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Учитывая, что оно прошло достаточный долгий путь становления и развития, рефлексия по поводу собственной истории становится сегодня необходимым условием для дальнейшего движения вперед в этом направлении, что в равной степени относится и к европейским исследователям, и к их российским коллегам. В рамках данной статьи мы, прежде всего, попытаемся выделить основные этапы и подходы к изучению эзотеризма, исторически складывавшиеся в России.

Дореволюционный период

Истоки научного изучения эзотеризма в России, как и в Европе, уходят своими корнями в конец XIX века, когда стали появляться переводы на русский язык европейских и американских работ, посвященных этим темам, а также первые оригинальные тексты российских авторов. О развитии данной области в начале XX века можно составить представление, обратившись к *Лекциям по истории новой философии* профессора Московского университета Л. М. Лопатина, в которых, в том числе, рассматривается влияние эзотерических учений на историю европейской философии. В число важнейших фигур в философии Нового времени он включает Парацельса и Беме, говоря об эпохе Возрождения, отмечает влияние на философию этого времени «веры в магию, в алхимию, в астрологию, в еврейскую каббалу, в пифагорейские числа»¹. Интересен представленный в лекциях анализ учения Спинозы, религиозный фундамент которого усматривается в еврейской мистике. По мысли Лопатина, философы-христиане не способны были

¹ Лопатин Л. Лекции по истории новой философии. М., 2007. С. 28.

проявить последовательность в отношении пантеистических идей, поскольку были ограничены христианским восприятием мира, подразумевающим противопоставление Бога и его творения. Отсюда проистекала невозможность преодоления христианскими мыслителями картезианского дуализма. Спиноза попытался, согласно Лопатину, решить эту проблему, соединив учение Декарта с принципами каббалы, восходящими к неоплатоническим идеям и открывавшими пространство для пантеистических интерпретаций². Таким образом, в лекциях Лопатина история западной философии и история западного эзотеризма были представлены как единый процесс, в котором второе подпитывает первое, становится фактором его развития.

В российских исследованиях этого времени можно выделить несколько основных направлений. С одной стороны, существовал ряд авторов, не только благожелательно настроенных по отношению к эзотеризму, но и непосредственно вовлеченных в эзотерические круги, как, например, А.Н. Аксаков и М.С. Аксенов. Конечно, едва ли возможно назвать работы этих авторов объективными и соответствующими современным научным стандартам, поскольку они предлагали взгляд на эзотеризм скорее с инсайдерских, чем с исследовательских позиций. Являясь вполне самостоятельными философами, эти авторы ориентировались на европейский и американский опыт, развивая оригинальные модели идеалистического мировоззрения, основанные на идеях Сведенборга, Дюпреля и других западных авторов, которые, в итоге, повлияли в большей степени на российских эзотериков и в меньшей степени на научное сообщество.

Тем не менее, в их работах присутствует исследовательская составляющая, которую также ошибочно было бы отрицать. Например, в *Трансцендентально-кинетической теории времени* Аксенова содержится любопытное рассуждение об «истории отношения христианской церкви к вопросу об астральном теле», под чем он понимает, в первую очередь, существующее в христианстве представление о том, что «душа имеет форму нашего тела»³. Такое представление, действительно, существует в христианском богословии и восходит к сочинениям Тертуллиана и Ириния Лионского. Современный исследователь А. Позов, анализируя представление о душе в работах древнейших церковных авторов, указывает: «Душа связана с телом в определенных пунктах, но проникает собою все тело, имеет его форму и потому называется в древнецерковной антропологии также тонким телом»⁴. Именно такое понимание души, наряду с церковным учением об ангеле-хранителе, Аксенов рассматривает в качестве основы для формирования в западном эзотеризме представления о «тонких телах» человека. Заслуживает внимания и его предисловие к книге К. Дюпреля *Загадочность человеческого существа*, в котором Аксенов приводит подробные сведения о биографии и

² Там же. С. 123.

³ Аксенов М.С. Трансцендентально-кинетическая теория времени. М., 2011. С. 174.

⁴ Позов А. Основы древнецерковной антропологии. СПб., 2008. Т. 1. С. 38.

учении этого немецкого философа⁵. Последнее имеет немаловажное значение, поскольку личность Дюпреля остается относительно слабо изученной в работах российских исследователей, так что вступительная статья Аксенова остается одним из ценных источников информации об этом немецком мыслителе на русском языке.

Что же касается известного сочинения Аксакова *Анимизм и спиритизм*, изданного в 1893 году и снабженного подзаголовком «Критическое исследование медиумических явлений и их объяснения гипотезами "нервной силы", "галлюцинации" и "бессознательного"», то эта работа, помимо прочего, представляет собой попытку каталогизации и классификации различных типов «спиритических феноменов». Несмотря на общий апологетический характер сочинения и очевидное стремление автора отстоять спиритическое мировоззрение, проделанная им работа по сбору и систематизации опубликованных сообщений о «спиритических феноменах» с указанием источников, в которых были опубликованы те или иные сообщения, может представлять интерес для современных исследователей истории спиритического движения. Важно отметить стремление Аксакова к рациональному анализу спиритического мировоззрения, эмпирической проверке и критическому рассмотрению спиритических опытов, сопровождаемому анализом возможных психологических объяснений. Эта установка, несмотря на то, что работы Аксакова не были в полной мере научными, сыграла важную роль в дальнейшем формировании исследовательской позиции по отношению к эзотерическим учениям. При этом особую научную ценность работе Аксакова придает то, что автор включает в нее обстоятельный обзор истории развития и современного автору состояния некоторых психологических концепций, направленных на объяснение спиритических феноменов, подробно анализируя, в частности, «галлюцинаторную гипотезу» немецкого психолога Эдуарда фон Гартмана, полемика с которым является одной из ключевых задач книги Аксакова⁶.

Особый взгляд на эзотеризм был развит в конце XIX – начале XX века в работах религиозных философов: Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, В.С. Соловьева. Отношение этих авторов к эзотерическим учениям было двойственным. С одной стороны, являясь православными, они нередко демонстрировали критическое отношение к эзотеризму; в то же время, нельзя сказать, что они были настроены по отношению к нему исключительно враждебно. Напротив, в стремлении к рациональному осмыслению христианства они сами нередко сближались с эзотерическими идеями. Некоторые из них относились к эзотеризму благожелательно, хотя иногда и снисходительно, и порой в их работах можно обнаружить интересный и для современного читателя анализ значения эзотеризма в истории мысли, а также точную характеристику значимых особенностей эзотерического мировоззрения. Например, Н.А. Бердяев, критикуя «мифологию научности», развивал идею о генетической связи между «естественной магией» и современной наукой,

⁵ Дюпрель К. Загадочность человеческого существа. М., 2010. С. 3-11.

⁶ Аксаков А.Н. Анимизм и спиритизм. М., 2001. С. 52-300.

в которой усматривал элементы языческого взгляда на мир⁷, в то время как П.А. Флоренский рассматривал магическое мышление как основание платонизма и, шире, идеалистической философии в целом, противопоставляя холистичность магической картины мира «духовному атомизму» современного общества⁸. Интересно, что в подтверждение своих идей в другом месте он ссылается на Карла Дюпреля⁹. Это показывает, что круг чтения Флоренского, как и других представителей религиозной философии того времени, был близок к кругу чтения идеалистов «спиритического» толка. Их общая мотивация в изучении эзотеризма состояла в том, чтобы использовать полученные таким образом знания как материал для собственных философских построений, для осмысления своего места в мире и актуальных мировоззренческих вопросов.

Существовали в дореволюционный период и авторы, писавшие свои работы в сциентистском или, как предпочитали говорить они сами, «рационалистическом» ключе. Для них было, в целом, характерно негативное отношение как к эзотеризму, так, зачастую, и к религии. И то, и другое виделось им пережитком прошлого, суеверием, а задачу ученого они усматривали в том, чтобы бороться с «суевериями» с позиций здравого смысла. Примером такого подхода является сочинение Н.В. Сперанского *Ведьмы и ведовство*, где вера в колдовство называется «погоней за возвращением на землю чудес, без которых многим кажется на ней так скучно», «гимнами средневековому суеверию» и т.д.¹⁰ Следствием такого подхода являлся упрощенный, редукционистский взгляд на историю: вместо того, чтобы попытаться понять мировоззрение людей, живших в другую эпоху, автор сводит его к необразованности и легковерию. В то же время, Сперанский собирает и анализирует большой объем материала, связанного с колдовскими процессами и эволюцией представления о ведьмах и колдовстве в средние века, анализирует развитие христианского богословия и европейского законодательства в отношении этой темы.

Таким образом, дореволюционный период истории академического изучения эзотеризма в России характеризовался, в первую очередь, постепенным накоплением фактической информации о различных формах эзотеризма, а также постепенным оформлением ряда важных для будущего развития исследований в области изучения эзотеризма концепций: о влиянии христианского богословия на развитие западного эзотеризма у Аксенова, о влиянии «естественной магии» на европейскую науку раннего Нового времени у Бердяева, о значении магического мировоззрения для формирования различных форм идеалистической философии в работах Лопатина и Флоренского. Можно вполне справедливо указать, что ав-

⁷ Силантьева М.В. Грани свободы в духовной культуре // Духовность, достоинство и свобода человека в современной России: философско-этические, религиозные и культурологические аспекты. Труды Международного научного симпозиума-диалога. Ч. 2. Пермь, 2009. С. 31-39.

⁸ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 2003. С. 9.

⁹ Там же. С. 548.

¹⁰ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. М., 2012. С. 3-4.

торы этого времени были еще далеки от современных стандартов научности; тем не менее, в их работах уже явно прослеживается стремление к рациональному осмыслению истории и современного состояния эзотеризма и опоре на эмпирический материал.

Изучение эзотеризма в СССР

В советское время произошел ряд заметных трансформаций в академическом изучении эзотеризма. Доминирующее место постепенно занял сциентистский подход, главным критерием научности в котором стало соответствие установкам марксизма, а исследовательская составляющая оказалась в подчиненном положении относительно идеологических задач. Ставший государственной идеологией марксизм-ленинизм подразумевал вполне однозначное отношение к религии: в соответствии с высказыванием Энгельса, она понималась как фантастическое отражение в сознании людей внешних природных и социальных сил, которые господствуют над ними. Религия и эзотеризм при этом подвергались критике как атрибут западной буржуазной культуры, противопоставляемой советскому обществу, постепенно освобождающемуся от подобных «суеверий». Таким образом, исследование эзотеризма в СССР оказалось одним из институтов формирования советской антизападной идеологии.

Расцвет такого рода критических исследований пришелся на 1960-е годы, поскольку принятое в 1954 году постановление ЦК КПСС об усилении атеистической пропаганды дало «зеленый свет» развитию так называемого «научного атеизма». Критика эзотеризма в рамках марксистского подхода базировалась на представлении о «иррациональности» эзотеризма, а сам эзотеризм определялся, как и религия, через «веру в сверхъестественное», становясь, таким образом, всего лишь одной из форм религии. Такая установка не позволяла авторам этого времени увидеть специфику эзотерического мировоззрения относительно религии: для советских авторов и то, и другое было, в сущности, простым суеверием, порожденным социальными противоречиями. Учитывая такой контекст, вполне логично, что знаменитая работа С.А. Токарева, посвященная ранним формам религии, включала в их число «ведовство», «знахарство», «шаманизм» и другие аналогичные представления¹¹. Тем более не стоит удивляться, что многих авторов этого периода совершенно не интересовали различия между такими понятиями, как «эзотерика», «мистика», «магия», которые чаще всего использовались как синонимы.

Впрочем, направленность советских авторов на рассмотрение религии и эзотеризма с атеистических и сциентистских позиций в рамках «научного атеизма»

¹¹ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964.

сыграла не только негативную, но и положительную роль. Пытаясь показать эволюцию религиозных представлений от древности до настоящего времени, они проделали большую работу по выявлению элементов магических представлений в христианстве и других мировых религиях, примером чего может служить работа Н.М. Никольского *Следы магической литературы в книге псалмов*¹². Нацеленность на критику религии в данном случае способствовала более объективному изучению истории эзотеризма и его взаимосвязи с религиозным мировоззрением. В этой же связи большое внимание уделялось изучению древнейших форм мировоззрения, таких как шаманизм, и тому, как на их основе постепенно развились более сложные мировоззренческие построения. Решению этой задачи были посвящены работы таких исследователей, как С.А. Токарев и М.И. Шахнович. Последний, помимо прочего, заложил в Советском Союзе традиции изучения внеконфессиональной мистики с позиций «научного атеизма»¹³.

Наконец, в контексте истории науки традиционно затрагивалась история алхимии, которая обязательно упоминалась в учебниках и популярных работах, посвященных истории химии. В общем и целом, пафос подобных работ был критическим: алхимия рассматривалась в них лишь как прародительница химии, которая послужила основой для возникновения в дальнейшем химической науки. К числу таких работ могут быть отнесены, например, изданные в 1930-х годах книги Я.И. Перельмана¹⁴ и В.В. Рюмина¹⁵, рассчитанные на широкую аудиторию. Как отмечает С.О. Зотов, образ алхимии в советской литературе претерпевал изменения с течением времени. В текстах 1930-х годов, когда во Франции активно действовало «Алхимическое общество», алхимия описывалась советскими авторами как распространенное на Западе суеверие, от которого следовало отличать подлинно научную советскую химию, однако к 1950-м годам алхимия в научно-популярной литературе постепенно трансформировалась в полумифическое древнее верование, упоминаемое лишь в контексте рассказов о прошлом науки¹⁶.

На фоне активизации атеистической борьбы и бурного развития «научного атеизма» в 1960-х годах появляются научные и научно-популярные тексты о магии, в которых магия рассматривается как пережиток прошлого, сохраняющийся в современных буржуазных обществах. Эти работы, к числу которых можно отнести, например, книгу В.Ф. Зыбковца *О черной и белой магии*, становятся значимыми для дальнейшей истории советской науки попытками академического осмысления современного состояния эзотеризма и его истории. Так, Зыбковец в своей работе предлагает интересное осмысление соотношения «религии» и «ма-

¹² Никольский Н.М. Следы магической литературы в книге псалмов. Минск, 1923.

¹³ Шахнович М.И. Современная мистика в свете науки. Л., 1965.

¹⁴ Перельман Я.И. Наука на досуге. Л., 1935.

¹⁵ Рюмин В.В. Занимательная химия. Л., 1936.

¹⁶ Зотов О.С. «Занимательная алхимия» и раннесоветский (анти)окультурный дискурс // Феномен алхимии в истории науки, философии, культуре. Вторая международная научная конференция. Смоленск, 2014. С. 32.

гии» в истории авраамических религий, рассматривая библейскую полемику против магии не как дискуссию «религии» против «магии», а как дискуссию по поводу легитимной и нелегитимной магии в контексте древнееврейской культуры: «...из приведенных библейских текстов видно, что древнееврейские священники занимались чародейством и это было их официальной профессией, якобы узаконенной самим богом. (...) ...священники, стремясь укрепить свою духовную власть и влиятельное положение в обществе, преследовали своих непосвященных, так сказать самодеятельных, конкурентов – знахарей и чародеев из простонародья. Приведенные библейские тексты хорошо показывают, сколь острым было это соперничество. Что же касается самих магических приемов, то они в сущности своей были одинаковыми у тех и других и имели общее происхождение»¹⁷. Таким образом, хотя подобные работы и опирались на идеологические положения советского «научного атеизма», новая социальная среда, в которой развивалось изучение эзотеризма в СССР, актуализировала исследования в таких областях и описания под такими ракурсами, которые в дореволюционный период, в целом, оставались маргинальными, что оказалось плодотворным для последующего развития академического изучения эзотеризма.

Работа в этом направлении, то активизируясь, то отходя на второй план, тем не менее продолжалась вплоть до распада СССР. Из числа работ позднего советского периода представляет интерес, например, изданная в 1984 году книга П.С. Гуревича *Возрожден ли мистицизм?*, в которой возрождение интереса к эзотеризму рассматривается как вызов рациональности, порожденный внутренними проблемами западного общества. Работа Гуревича демонстрирует характерное для советских исследователей соединение обширной эрудиции и знакомства с современными научными исследованиями с принципиальным нежеланием понять изучаемое мировоззрение и, в лучшем случае, снисходительным отношением к нему. Исследовательские цели здесь систематически вытесняются идеологическими, что выражается в направленности на критику и «развенчание» как самого «мистицизма», так и «буржуазных исследователей», писавших о нем.

Признавая связь эзотерических и научных представлений в трудах мыслителей раннего Нового времени, Гуревич, в частности, вполне справедливо указывает: «...их мышление было нерасторжимо связано с мистицизмом. Ученый был одновременно и магом, ибо постигал таинственное. Магия же сводилась к поиску божественных истин в сотворенной природе»¹⁸. В то же время, эта связь интерпретируется Гуревичем чисто механически и понимается им как нечто, свидетельствующее лишь о «сложных процессах продвижения к истине, о трудных поисках специфики науки как сферы человеческой деятельности»¹⁹. Таким образом, взаимосвязь науки и эзотеризма в начале Нового времени трактуется Гуревичем в сциентистском ключе как атрибут ранней стадии развития науки, когда

¹⁷ Зыбковец В.Ф. О черной и белой магии. М., 1963. С. 69.

¹⁸ Гуревич П.С. *Возрожден ли мистицизм?* М., 1984. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 26.

ученые еще недостаточно понимали специфику своей деятельности относительно разного рода мистических и магических представлений. Поэтому и наука в строгом смысле этого слова, согласно Гуревичу, зарождается лишь в XVIII в. через критику «суеверий» и «предрассудков». Такие значимые в истории науки фигуры как Кеплер оказываются у Гуревича отнесенными к «донаучному» периоду, а связь их научной деятельности и эзотерических представлений анализируется поверхностно.

Говоря о распространении мистицизма, Гуревич выделяет периоды роста интереса к нему, которые он называет «волнами неразумия» и «эпидемиями мистического помешательства». Пытаясь объяснить рост интереса к мистическим учениям с марксистских позиций, Гуревич отвергает социологические теории Э. Тириакаяна и Дж. Уэбба, противопоставляя им марксистскую концепцию, согласно которой распространение мистических учений объясняется наступлением «эпох общественных кризисов», во время которых «происходит крутая ломка социальных порядков, традиционных воззрений»²⁰. Несмотря на ограниченный характер подобных редукционистских интерпретаций, сводящих интерес к мистицизму к выражению классовых противоречий, нельзя не признать, что в своей работе Гуревич, подобно «скептикам» дореволюционного периода вроде Сперанского, собрал обширный эмпирический материал, связанный как с историей эзотерических учений, так и с историей их изучения в зарубежной литературе, что оказало положительное влияние на дальнейшее развитие исследований в данной области.

Другой работой подобного рода является изданная в 1990 году книга В.С. Поликарпова *Наука и мистицизм в XX веке*, в которой подробно рассматривались работы таких зарубежных авторов, как Ф. Капра, Ч. Тарт, Т. Лири и др. Работа Поликарпова проникнута уже знакомым нам изобличительным пафосом: «В условиях небывалой по интенсивности и остроте борьбы двух полярных мировоззрений – диалектико-материалистического и буржуазного – для современной буржуазной методологии научного исследования становится характерной реакционная тенденция к "синтезу" данных новейшей науки с традициями мистических учений. ...мистицизм захлестнул в XX в. страны Запада, иррационализм пронизывает почти все сферы жизнедеятельности человека, глубоко укоренился в массовом сознании, несмотря на колоссальные достижения научно-технического прогресса»²¹.

Цель, которую ставит перед собой автор, состоит в анализе причин существующего в современном обществе интереса к концепциям, пытающимся связать научные и мистические идеи. Что же касается ответа, который предлагается читателю, то он весьма предсказуем, учитывая идеологический фундамент работы: «Это обусловлено, – пишет Поликарпов, – в первую очередь социально-экономическими, социально-политическими условиями буржуазного общества,

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Поликарпов В.С. *Наука и мистицизм в XX веке*. М., 1990. С. 3.

стимулирующими духовное обнищание западного обывателя. (...) К тому же научно-техническая революция многократно усиливает эти процессы, обостряет внутренние противоречия капитализма»²².

В массив позднесоветской критической литературы об эзотеризме входила и известная книга Е.И. Парнова *Трон Люцифера*. Несмотря на то, что это изданное в 1985 году сочинение было наполнено разоблачительным пафосом, в контексте которого «магия» представлялась как «орудие политической борьбы, бережно сохраняемое в арсеналах самой крайней реакции»²³, а увлечение эзотерическими учениями в современном мире характеризовалось не иначе как форма «шизофренирования»²⁴, *Трон Люцифера* стал, судя по всему, первой работой, снабдившей советских исследователей полноценным обзором истории и современного состояния основных направлений современного западного эзотеризма. Во второй половине 1980-х годов число работ подобного рода только возросло, пополнившись такими сочинениями, как, например, книга А.Ю. Григоренко *Разноликая магия*²⁵, которые, не отличаясь особой оригинальностью и по преимуществу воспроизводя информацию из опубликованных ранее работ, вносили свой вклад в дальнейший рост интереса к соответствующим темам.

В то же время, с начала 1980-х годов в советской науке постепенно формируется новая тенденция, связанная со стремлением к более нейтральному, объективному рассмотрению истории эзотеризма. Именно в это время были заложены важные традиции, ставшие основой для дальнейшего развития исследований в этой области. К числу наиболее значимых советских авторов этого времени, повлиявших на выработку новых для советской науки подходов к научному изучению эзотеризма, следует отнести, прежде всего, исследователя алхимии В.Л. Рабиновича. Еще в 1979 году в своей работе *Алхимия как феномен средневековой культуры* он подверг критике попытки интерпретации алхимических трактатов с редукционистских сциентистских позиций, в которых алхимия характеризовалась лишь как ранний этап в истории химии и которые игнорировали ее сложность и специфику. Рабинович писал относительно таких интерпретаций: «Таково "буквально-химическое" прочтение алхимического текста. Обретена точность прописи. Точность же исторически неповторимого явления культуры осталась за пределами анализа, не познанной сторонним наблюдателем – человеком XX столетия. "Вчувствования", "вживания" не произошло. "Дегерметизация" мышления не состоялась»²⁶. Очевидно, насколько сильно отличается этот подход от рассмотренных нами ранее авторов советского периода. Рабинович, прежде всего, ставит перед собой очень смелую по меркам своего времени цель: не критиковать, не изобличать, не исправлять «буржуазные заблуждения», но исследо-

²² Там же.

²³ Парнов Е. *Трон Люцифера*. М., 1985. С. 10.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Григоренко А.Ю. *Разноликая магия*. М., 1987.

²⁶ Рабинович В. *Алхимия как феномен средневековой культуры*. М., 1979. С. 19.

вать и понять – цель, которая и характеризует работу об эзотеризме как научную в строгом смысле этого слова.

В это же время, на рубеже 1970-х и 1980-х годов, публикуются работы по истории науки П.П. Гайденко, в которых рассматривается влияние эзотерических представлений на становление и развитие ряда научных дисциплин. В монографии *Эволюция понятия науки (становление и развитие первых научных программ)*, впервые изданной в 1980 году, Гайденко рассматривает, в частности, влияние мистических идей пифагорейцев на становление математики, отмечая: «...именно то обстоятельство, что ранние пифагорейцы воспринимали число как начало устройства – и соответственно познания мира, а в исследовании числовых отношений видели такое же средство спасения души, как и в религиозных ритуалах, – именно это обстоятельство сыграло важную роль в превращении математики в науку, научную систему, какой она не была раньше»²⁷. Таким образом, можно констатировать, что именно в это время на смену критике и разоблачению пришли собственно исследовательские работы, связанные со стремлением адекватно определить место эзотеризма в истории западной культуры, не преувеличивая, но и не недооценивая его историческое значение. Представляется, что именно работы Рабиновича, Гайденко и других авторов этого времени стали переходным этапом между работами советского периода и исследованиями новой, постсоветской «волны».

Именно в 1980-х годах, не в последнюю очередь благодаря деятельности культуролога и философа науки В.М. Розина, который «еще в позднесоветские годы полуподпольно читал свой курс по эзотерическим учениям для неконформистски настроенной публики»²⁸, в Советском Союзе «изучение эзотеризма» окончательно оформляется как самостоятельная область, что выражается в появлении исследований, рассматривающих не какие-то отдельные исторические формы эзотеризма (алхимию, астрологию и т.п.), но эзотеризм как таковой, причем используя именно термины «эзотеризм», «эзотерика», «эзотерические учения». В это же время интерес к изучению эзотеризма и связанных с ним явлений демонстрируют и представители естественных наук, например, Н.П. Бехтерева. «...я заинтересовалась, – пишет Бехтерева в своей автобиографии, – явлениями, которыми как-то не принято заниматься в серьезных научных исследованиях, теми, которые могут быть обозначены как особые случаи – "странные" явления: сверхсильное влияние одного человека на другого или на других в заданной ситуации, причем влияние не только на психическую, но и на соматическую сферу, видение отдельных событий настоящего, прошлого и (что уж ни в какие ворота не лезет!) будущего»²⁹. Бехтерева интересовалась самыми разными случаями, такими как

²⁷ Гайденко П.П. *Эволюция понятия науки (становление и развитие первых научных программ)*. М., 2014. С. 25.

²⁸ Пахомов С.В. Специфика современной российской эзотериологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4(31). С. 40-41.

²⁹ Бехтерева Н.П. *Магия мозга и лабиринты жизни*. СПб., 2010. С. 208.

околосмертный опыт, целительство, «выходы из тела», стремясь дать им естественнонаучное объяснение. Как отмечала сама Бехтерева относительно такого рода необычных явлений, «очень много – фальшивка, шарлатанство; много только кажется странным, его можно объяснить уже сейчас, и, таким образом, многое "сверхъестественное" (странное) становится естественным»³⁰. В западной науке подобные исследования, в конечном итоге, сформировали целое направление, однако у российских ученых, в отличие от их западных коллег, оно не получило большого распространения и лишь в последние годы постепенно пытается «отвоевать» себе законное место в академической среде.

Современное состояние

Переходя к современному этапу развития исследований в данной области, можно отметить, что на сегодняшний день в академическом исследовании эзотеризма на постсоветском пространстве существуют несколько основополагающих тенденций, сложившихся в конце 1980-х и 1990-х годах. Пожалуй, самая важная из них – постепенная консолидация исследователей, появление у них представления об академическом исследовании эзотеризма как особом научном направлении, можно сказать, появлении профессионального самосознания, выражением чего стало, в том числе, создание в 2009 году Ассоциации исследователей эзотеризма и мистицизма, а также профильных научных изданий и учебных программ.

Вторая тенденция – активное знакомство с первоисточниками и зарубежными исследованиями, включение в мировое исследовательское сообщество, выход самих российских исследователей на международный уровень. В 1990-х годах этому во многом способствовало появление известных сборников *Магический кристалл* (1994) и *Знание за пределами науки* (1996), посредством которых русскоязычные читатели познакомились с работами таких классиков, как К.Г. Юнг и Б. Малиновский, а также с переводами первоисточников, как древних (Плотин, Ямвлих, Альберт Великий), так и современных (Кроули, Кастанеда). Кроме того, подготовка *Знания за пределами науки* стала одним из первых случаев международной кооперации в истории российской эзотериологии, поскольку в создании сборника принял участие немецкий исследователь К. Хюбнер. Развитию международного сотрудничества в этой области способствовало и проведение профильных международных конференций, таких как симпозиумы «Пути гнозиса», организуемые с 1990-х годов на базе ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, и, уже в 2000-х годах, регулярной конференции «Мистико-эзотерические движения в теории и практике».

³⁰ Там же. С. 207.

Третья тенденция – это увеличивающийся интерес к академическому исследованию эзотеризма со стороны самих эзотериков, некоторые из которых в итоге сами становятся членами академического сообщества, получив соответствующее образование, в то время как другие пытаются использовать в своей эзотерической деятельности знания, получаемые из научных изданий, или сами вносят вклад в научное изучение эзотеризма, например, посредством перевода зарубежных научных исследований. Традиционно в подобной работе стремятся участвовать последователи теософских, розенкрейцеровских и масонских групп, различных восточных духовных учений. С начала 2000-х годов заметную активность в этом отношении проявляют российские телемиты (последователи учения А. Кроули), а в последние годы к ней подключились и члены неоязыческих групп.

С другой стороны, на фоне постоянно возрастающего роста значения Русской православной церкви в общественной жизни все больший вес приобретает критика эзотеризма православными авторами, которая нередко преподносится как «научная», хотя, в сущности, является либо теологической, либо основанной на устаревших сциентистских аргументах, заимствованных из работ дореволюционного и советского времени. Примерами этого могут служить публикации Л.В. Денисовой, А.Ю. Севальникова и ряда других авторов. Примечательно, что если в дореволюционной России религия и эзотеризм тяготели к объединению в противоположность сциентистскому взгляду на мир, сегодня конфессионально ориентированные исследователи стремятся объединиться со сторонниками сциентистского подхода, противопоставив пару «наука и религия» новым врагам: «тоталитарным сектам», «деструктивным культам», «псевдонауке», «суевериям» и т.д. Причин у такого поворота несколько. Прежде всего, представляется, что в современных условиях церковь видит в альтернативных формах духовности своего рода «конкурентов» и активно пытается бороться с ними. Если в начале XX века монополия православия в духовной жизни была фактом свершившимся, а главную угрозу ему создавало распространение атеизма, сегодня православие приходится существовать в условиях серьезной конкуренции, что делает актуальными попытки дискредитации и устранения (например, в форме законодательного запрета) конкурентов. А поскольку наука с советских времен имеет в российском обществе значительный авторитет, «научность», очевидно, видится критикам эзотеризма наиболее подходящей формой для их полемических текстов. В наиболее радикальных своих формах деятельность церковных авторов перерастает в «сектоведческую» деятельность, которая уже эксплицитно определяет в качестве своей цели борьбу с «неправильными» формами мировоззрения.

Противоположная тенденция, не менее проблематичная для академического изучения эзотеризма, связана с деятельностью критиков эзотерических учений, занимающих сциентистские позиции, таких как В.Л. Гинзбург. Используя свои научные регалии, эти авторы, чья научная деятельность и квалификация, как правило, не связана с изучением эзотерических учений, в силу своих личных

убеждений начинают заниматься критикой различных форм эзотеризма, позиционируемой в качестве научных или научно-популярных работ, а тот факт, что многие из этих людей, как, например, вышеупомянутый В.Л. Гинзбург, действительно являются выдающимися учеными, обеспечивает их мнению высокий авторитет как в обществе в целом, так и в научных кругах. В то же время, по своей научной специализации это, как правило, физики и математики, биологи и врачи, незнакомые или слабо знакомые с предметом, о котором пишут. Например, в книге *Об атеизме, религии и светском гуманизме*³¹ Гинзбург критикует астрологию, опираясь на два источника: популярную критическую брошюру астронома В.Г. Сурдина *Астрология и наука*³² и газету *Известия*. Разбирая публикуемые в газете прогнозы, Гинзбург приводит классический аргумент против астрологии, отмечая, что прогноз «дается сразу всем "Весам", т.е. более чем 500 миллионам человек», из чего, по мнению автора, любому здравомыслящему человеку сразу становится очевидно, что «астрология это типичная лженаука, и советы астрологов это просто бред, чепуха»³³.

Конечно, если бы автор был знаком с первоисточниками и не ограничивался чтением критических работ, он знал бы, что классические астрологические карты строятся индивидуально для каждого человека, а профессиональные астрологи относятся к публикуемым в газетах гороскопам так же критично, как и он сам. Но обращение к первоисточникам и объективный анализ астрологических концепций автору не интересны, поскольку он ставит перед собой цель не изучить, но подвергнуть критике явление, о котором пишет. Таким образом, ставя перед собой благородные просветительские цели, автор, к сожалению, достигает противоположного эффекта, способствуя распространению расхожих клише об астрологии, с которыми затем приходится сталкиваться специалистам, стремящимся заняться ее академическим изучением в рамках истории, религиоведения и других профильных дисциплин.

Таким образом, исследователь, стремящийся к объективному, научному изучению истории и содержания эзотерических учений, оказывается в непростом положении. Критики эзотеризма подозревают его в личной вовлеченности, а эзотерики, когда такой исследователь хочет заняться полевыми исследованиями, могут относиться к нему настороженно или даже враждебно, либо опасаясь встретить очередного «сектоведа» или «борца с лженаукой», либо считая его самого «профаном», бесцеремонно вторгающимся в сферы, которые он не способен понять. Характеризуя актуальное состояние развития академического изучения эзотеризма в России, следует сказать, что, несмотря на большой объем проделанной работы, определившей наличие определенных положительных тенденций, гораздо больше еще предстоит сделать в будущем. Сообщество исследователей эзоте-

³¹ Гинзбург В.Л. Об атеизме, религии и светском гуманизме. М., 2013.

³² Сурдин В.Г. Астрология и наука. Фрязино, 2007.

³³ Гинзбург В.Л. Астрология и лженаука // Наука и жизнь. <http://www.nkj.ru/archive/articles/12665/>. Последнее посещение 26 февраля 2017.

ризма на постсоветском пространстве еще только складывается, и в настоящее время оно далеко не так консолидировано, как хотелось бы, что нередко приводит к тому, что авторы, пишущие по одной и той же теме, иногда не знают о существовании друг друга.

Не менее важно, что ни в обществе в целом, ни в академическом сообществе в частности еще не сложилось четкого и ясного понимания того, что же представляет собой «академическое исследование эзотеризма», поэтому нередко оно подменяется либо критическими работами «разоблачителей», либо, что представляет другую крайность, некритическими сочинениями самих эзотериков. Здесь, очевидно, накладывает свой отпечаток то, что периоды спокойного развития науки в нашей стране прерывались длительными отрезками времени, в течение которых на первое место выходили идеологические соображения. В такие периоды попытки объективного изучения эзотеризма сталкиваются с серьезными трудностями. С одной стороны, в это время активизируются критически настроенные авторы, подменяющие исследование «критикой» или «разоблачениями», с другой – сами эзотерики «уходят в подполье» и, противопоставляя себя «мэйнстриму» культуры, маргинализируются, вырабатывают критическое отношение как к науке в целом, так и к научному изучению эзотеризма в частности, что, в свою очередь, ограничивает возможность полевых исследований. Остается надеяться, что современные исследователи, вне зависимости от своей мировоззренческой платформы, смогут перешагнуть через предубеждения и стереотипы, чтобы объединить усилия для объективного изучения этого важного культурного феномена.